

Хрячков Александр Васильевич,
аспирант кафедры истории философииЮ
Российский университет дружбы народов им. П. Лумумбы
Khryachkov Alexander Vasilyevich,
Postgraduate Student, Department of History of Philosophy,
Peoples' Friendship University of Russia named after P. Lumumba

**ПОНЯТИЯ РЕИФИКАЦИИ (П. БЕРГЕР, Т. ЛУКМАН),
ОБЪЕКТИВАЦИИ (Н.А. БЕРДЯЕВ) И ОТЧУЖДЕНИЯ (Э. ФРОММ):
СМЫСЛОВЫЕ ПАРАЛЛЕЛИ
THE CONCEPTS OF REIFICATION (P. BERGER, T. LUKMANN),
OBJECTIVATION (N.A. BERDYAEV)
AND ALIENATION (E. FROMM): SEMANTIC PARALLELS**

Аннотация. В статье сопоставляются недавно введенное в социогуманитарное знание П. Бергером и Т. Лукманом понятие реификации и базовые для онтолого-гносеологических воззрений Н.А. Бердяева и Э. Фромма понятия объективации и отчуждения; обосновывается наличие смысловых параллелей в этих трех понятиях – в особенности в понятиях реификации и отчуждения.

Abstract. The article compares the concept of reification, recently introduced into the social and humanitarian sciences by P. Berger and T. Luckmann, with the concepts of objectification and alienation, fundamental to the ontological and epistemological views of N.A. Berdyaev and E. Fromm; the presence of semantic parallels in these three concepts is substantiated – especially in the concepts of reification and alienation.

Ключевые слова: Реификация, объективация, отчуждение, Н.А. Бердяев, Э. Фромм.

Keywords: Reification, objectification, alienation, N.A. Berdyaev, E. Fromm.

П. Бергер и Т. Лукман предложили называть реификацией восприятие «произведенных человеком феноменов в качестве *вещей*, т.е. объективированных сущностей, принадлежащих как бы “природному миру” с его законами, независимыми от человека. Созданный человеком и затем объективированный им же духовный, социальный мир перестает восприниматься как “человеческое предприятие”, наделяется “чуждой фактичностью” и объективно-предписывающими функциями». В процессах реификации социальные сущности и институты приобретают онтологический статус, независимый от человеческой деятельности и сигнификации [1]. Выскажем предположение о том, что понятие реификации обладает высоким эвристическим потенциалом для философской компаративистики и может быть применено к рассмотрению различных историко-философских систем. С целью аргументации этого попытаемся найти смысловые параллели между данным понятием и основополагающими для исходящих из неординарных онтологических предпосылок философско-исторических концепций Н.А. Бердяева и Э. Фромма понятиями объективации и отчуждения.

В автобиографической работе «Самопознание», во многом подытоживающей результаты его творческого труда, Н.А. Бердяев пишет: «Я утверждаю дуализм мира феноменального, который есть мир объективации и необходимости, и мира нуменального, который есть мир подлинной жизни и свободы. Этот дуализм преодолим лишь эсхатологически» [2, с. 726]. Отсюда ясно, что в мире объективации, или мире явлений, т.е. в той подвижной среде, в которой мы существуем, в «объективном» мире, нет свободы и

подлинной жизни, в нем царствует порабощающая человека необходимость. Значит, жизнь и свободу следует искать в ином мире, и этот мир Бердяев определяет как «нуменальный», духовный, настаивая на том, что он станет всецело доступен человеку только в конце времен, являясь тем «эсхатоном» («последней вещью» в переводе с греческого), к которому в эмпирической жизни человек может только стремиться.

По свидетельству известного историка русской философии В.В. Зеньковского, понятие объективации было заимствовано Бердяевым у А. Шопенгауэра [3, с. 353], однако согласно волюнтаристической философии последнего объективирующиеся в сознании человека сущности представляют собой результаты манифестации некоей сверхразумной мировой «воли к жизни» [4]. Поскольку Бердяев, апологет свободы, в своем философствовании не склонялся к детерминистическому волюнтаризму, можно ли считать, что источником объективации у него является само сознание человека? Здесь позиция философа двойственна: с одной стороны, объективация понимается им как «падшесть» самого мира, которая кладет «печать трагизма» на все творчество человека, фатально стесняя его этой роковой, неотвратимой объективацией, с другой же – Бердяев неоднократно постулирует первичность личности по отношению к бытию, и в таком аспекте «объективация духа» есть его искажение, самоотчуждение, проходящее, надо полагать, в сознании личности. Следовательно, будет правомерно утверждать, что у Бердяева присутствуют представления как о «общемировой объективации» (совсем в шопенгауэрианском духе), так и об «объективации сознания» человека.

При сопоставлении понятий реификации и объективации речь, конечно, не может идти ни об их отождествлении, ни даже о проведении слабой аналогии между ними, поскольку второе понятие, как представляется, гораздо шире и глубже первого. Однако термином реификация вполне может быть назван процесс, частично относящийся к тому аспекту объективации, который проявляется вследствие самоотчуждения личности, по Бердяеву. При «объективации сознания» дух человека закрепощается в объективируемом им же мире (вместе с тем, мир уже объявляется философом «падшим», и, нужно думать, не один человек явился «виновником» этого), и для описания относящейся к социальному миру части данного содержательно обширного процесса вполне может применяться понятие реификации, т.е. воспроизведения в сознании человека идей, наделяемых чуждой им фактичностью, в качестве вещей, или «объективированных сущностей» [1].

Согласимся, что при таком сужении области применения данного понятия оно при описании концепции Н.А. Бердяева становится, в общем-то, не очень действенным, чего нельзя сказать о его применении к дескрипции философско-исторической концепции Э. Фромма, для которой одним из центральных понятий, объясняющих недолжное развитие мира и человека, было отчуждение. Понятие отчуждения очень часто используется философом, что вполне закономерно, если учитывать его верность марксистским убеждениям. Философ определяет его так: «Под отчуждением понимается такой способ восприятия, при котором человек ощущает себя как нечто чуждое. Он становится как бы отстраненным от самого себя. Он не чувствует себя центром своего мира, двигателем своих собственных действий, напротив, он находится во власти своих поступков и их последствий, подчиняется или даже поклоняется им. Отчужденный человек утратил связь с самим собой, как и со всеми другими людьми. Он воспринимает себя, равно как и других, подобно тому как воспринимают вещи...» [5, с. 166]. Раньше, пишет Фромм, слово «отчуждение» применялось тогда, когда речь шла о душевнобольном человеке, у которого нарушена психика, вследствие чего он вел себя совершенно отстраненно, в прямом смысле отчужденно. Г. Гегель и К. Маркс использовали этот термин, «имея в виду не состояние умопомешательства, а менее тяжелую форму самоотстраненности, которая, позволяя человеку поступать разумно в практических делах, представляет собой тем не менее одну из наиболее тяжелых форм социально заданной

ущербности» [5, с. 166-167], такое состояние, при котором по Марксу собственная деятельность для человека становится чуждой и даже противостоящей силой, угнетающей его, хотя по природе вещей он сам должен бы был господствовать над этой силой.

Апеллируя к ветхозаветным текстам, Фромм утверждал, что хотя термин «отчуждение» и появился в философских трудах относительно недавно, но связанное с ним понятие было известно очень давно, выражаясь другим словом – «идолопоклонство». Пророки Ветхого Завета, по его мнению, обличали языческие религии не столько потому, что они предписывали поклонение нескольким богам, а не одному Богу, сколько вследствие характерного для них идолопоклонства, за которым стоит «факт самоотчуждения»: «Человек тратит свою энергию и художественные способности на сооружение идола, а затем поклоняется этому идолу, представляющему собой не что иное, как результат его собственных человеческих усилий. Его жизненные силы перелились в “вещь”, которая, превратившись в идола, воспринимается не как результат его собственных созидательных усилий, а как нечто отдельное от него, возвышающееся над ним и противостоящее ему, вещь, которой он поклоняется и подчиняется» [5, с. 167].

В современном мире человек совершенно так же, как и в случае с религиозным идолопоклонством, все богатство собственной личности переносит на другого человека, на общности или социальные институты, при этом данное богатство от него отчуждается, вкладывается в кого-то другого или во что-то другое, и снова обрести с ним связь человек может, только если подчинится этому другому, «растворится» в нем. В результате: «...человек ощущает себя не активным носителем собственных сил и богатства личности, но лишенной индивидуальных качеств “вещью”, зависимой от внешних для нее сил, на которые он перенес свою жизненную субстанцию» [5, с. 171]. Такое отчуждение носит почти что всеобщий характер, пронизывая отношение человека и к собственной работе, и к потребляемым вещам, и к государству, и к ближним, и даже к самому себе: «...все созданное им возвышается и главенствует над ним. Он чувствует себя не творцом и высшей руководящей инстанцией, а слугой Голема, сделанного его руками» [5, с. 172].

На наш взгляд, понятие отчуждения у Э. Фромма находится в тесной логической связи с понятием реификации. Определения, даваемые последнему Бергером и Лукманом, настолько комплементарны пониманию Фроммом отчуждения, что можно говорить если не о тождественности этих понятий, то об их большой содержательной близости, например: «Реификация – это восприятие человеческих феноменов в качестве вещей, то есть в нечеловеческих и, возможно, в сверхчеловеческих терминах». Или: «Реификация – это восприятие продуктов человеческой деятельности как чего-то совершенно от этого отличного, вроде природных явлений, следствий космических законов или проявлений божественной воли». Или совсем уже конгениально Фромму: «Реификация означает как то, что человек может забыть о своем авторстве в деле создания человеческого мира, так и то, что у него нет понимания диалектической связи между человеком-творцом и его творениями». И далее: «Реифицированный мир, по определению, мир дегуманизированный. Он воспринимается человеком как чуждая фактичность, как *opus alienum*, который ему неподконтролен, а не как *opus proprium* его собственной производительной деятельности» [1].

Однако есть здесь все же и различия. Так, конкретно-содержательные характеристики отчуждения, рассыпанные в текстах Фромма, преимущественно негативны, как это и должно быть у последователя марксизма, верящего в грядущее избавление от отчуждения и в наступление основывающегося на добровольной кооперации личностей «царства свободы» без всяких правовых и государственных институтов. (Нам представляется, что даже при осуществлении такой гипотетической возможности свои особенные реифицированные феномены, скрепляющие людей в общность, будут все же существовать.) Между тем, на наш

взгляд, в процессах и отчуждения, и реификации есть и позитивные моменты, ведь всякая социальная общность или институт, или же такие совсем уж изначально субъективные, но тем не менее объективирующиеся феномены как коллективное сознание, общественное мировоззрение, групповой менталитет – это явления, совершенно необходимые для социальной жизни. Можно спорить о мере реификации, об искажениях в ней (идолопоклонство, например), однако ее общественная польза, как представляется, вне обсуждения. Поэтому Бергер и Лукман специально оговаривают: «...должно быть понятно, что по мере становления объективного социального мира возможность реификации никогда не исчезает. Объективность социального мира означает, что последний противостоит человеку как нечто внешнее по отношению к нему. Главный вопрос заключается в том, сознает ли еще человек, что каким бы объективированным ни был социальный мир, он создан людьми и может быть переделан». Они подчеркивают, что «реификация – это модальность сознания, точнее, модальность объективации человеком человеческого мира. Даже постигая мир в реифицированных терминах, человек продолжает создавать его» [1]. По сути, само общество есть уже реифицированный в сознании личностей феномен, причем только в обществе человек способен творить, созидать не бывшее ранее и преобразовывать прежнее. Таким образом, понятие реификации у П. Бергера и Т. Лукмана в зависимости от конкретного контекста имеет позитивно-негативные смысловые оттенки, чего нельзя сказать о смысле понятия отчуждения у Э. Фромма, однако при этом в своих негативных содержательных моментах эти понятия удивительно близки.

Есть здесь и еще один существенный момент. Дело в том, что, как, кстати, и в случае с объективацией у Бердяева, у Фромма понятие отчуждения шире чем понятие реификации: всякую реификацию можно характеризовать как отчуждение, но при этом не всякое отчуждение есть реификация. Последняя предполагает возведение абстрактных субъективных понятий и представлений в статус объективированной вещи, однако Фромм много пишет об абстрагировании, при котором, наоборот, реально существующие феномены подменяются абстрактными представлениями о них. Современная западная культура, по его мнению, чрезмерно оперирует абстрактными свойствами людей и вещей, почти полностью игнорируя их конкретность и единственность: «Вместо того чтобы вырабатывать абстрактные понятия там, где это необходимо и полезно, абстрагированию подвергается все, включая нас самих; конкретная реальность людей и вещей, с которой мы можем соотнести подлинную сущность нашей собственной личности, заменяется абстракциями, призраками, воплощающими разные количества, но не разные качества» [5, с. 157]. Мы говорим о «20-центовой сигаре» или о «мосте за 3 миллиона долларов», не уделяя совсем внимание качествам (вкусу, красоте, пользе), а имея в виду лишь меновую стоимость, то же – и в отношении природных явлений: газеты пишут, к примеру, о наводнениях, нанесших ущерб в миллионы долларов, совершенно не акцентируя внимание на страданиях людей. Но и люди воспринимаются также абстрактно-количественно: «Сказать о человеке, что он “стоит миллион долларов”, – значит говорить о нем уже не как о конкретной человеческой личности, а как об абстракции, сущность которой можно выразить цифрами» [5, с. 160]. И это все тоже есть отчуждение. Исходя из данной особенности философствования Фромма мы можем выразить полное содержание понятия отчуждения, используемого им, при помощи следующей формулы: «Отчуждение = реификация + абстрагирование».

Таким образом, мы видим, что достаточно недавно вошедшее в социогуманитарное знание понятие реификации может быть с успехом применено, с соответствующими оговорками, разумеется, к экспликации базирующихся на различных онтологогносеологических основаниях историко-философских концепций, более того, оно позволяет обнаружить новые смысловые грани в используемых в этих концепциях понятиях, что

свидетельствует о несомненной эвристичности философской компаративистики не только в мировоззренческо-содержательном и методологическом ее аспектах, но и в категориально-понятийном.

Список литературы:

1. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. URL: <http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z00000891/st000.shtml> (дата обращения 03.11.2025 г.).
2. Бердяев Н.А. Судьба России. Самопознание: сборник трудов. – Ростов н/Д.: Феникс, 1997.
3. Зеньковский В.В. История русской философии. В 2-х томах. Т. 2. – Ростов н/Д.: Феникс, 1999.

